

по словам Владимира Соловьева, говорил ему Достоевский во время их совместной поездки в июне 1878 г. в Оптину пустынь, как раз и давшей ему материал для образа старца Зосимы. И, указав, что писатель «в кратких чертах» изложил ему «главную мысль, а отчасти и план своего нового произведения», Соловьев продолжает: «Если этот общественный идеал Достоевского прямо противоположен идеалу тех общественных деятелей, которые изображены в „Бесах“, точно также противоположны для них и пути достижения. Там путь есть насилие и убийство. Здесь путь есть нравственный подвиг...»¹⁷. Но сказано это было еще до приступа к писанию «Братьев Карамазовых» и почти за два года до разговора с Сувориным. Логике «центральной идеи» автора возвращение Алеши в монастырь вполне бы соответствовало. Но существовала и другая логика — логика реальной русской жизни в данный момент ее общественно-исторического развития.

«Политические преступления» и, в особенности, покушения на царя автоматически влекли за собой смертную казнь. Перечень покушений — мартиролог повешенных. Приговорен был к повешению и Млодецкий. Здесь следует отметить примечательный факт. Автор «Братьев Карамазовых» присутствовал при его казни. В связи с этим поэт К. Р. (великий князь Константин Константинович) записал в дневнике: «Достоевский ходил смотреть на казнь Млодецкого: мне это не понравилось, мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела; но он объяснил мне, что его занимает все, что касается человека, все положения его жизни»¹⁸. Это объяснение приобретает особенную значительность, поскольку казнь Млодецкого состоялась через день после разговора Суворина с Достоевским о судьбе Алеши. Переживания человека, ведомого на смертную казнь, Достоевский слишком знал по себе, и это было одним из мучительнейших его воспоминаний. Теперь ему, очевидно, было важно проверить это, так сказать, со стороны — объективно.

Каким же все же должен был явиться, по замыслу автора, финал Алеши? На каком из двух вариантов его судьбы Достоевский бы остановился? Дал ли бы он это «по Зосиме», в соответствии с той «центральной идеей», о которой говорил Владимиру Соловьеву? Или — писатель, стремившийся к «полному реализму», дал бы это в соответствии с реальной действительностью, следуя диалектике истории, как и природы изображенного им героя, логике развития его стремлений, его характера? Вспомним еще раз слова Достоевского Суворину: «Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером»¹⁹.

Судя по всему — сказанному и показанному, одно, полагаю, можно считать несомненным: творческая мысль писателя во время создания им «Братьев Карамазовых» явно развивалась по направлению от первоначального, условно говоря, «соловьевского», к более позднему — условно «суворинскому» — варианту. В связи с этим необходимо попытаться ответить и на поставленный мною более общий вопрос, что может бросить некоторый дополнительный свет и на первый. Как же все-таки Достоевский, автор «Бесов», сделал своего «излюбленного героя», к которому относился со все нарастающей симпатией, страстно убежденным революционером, свершителем «скорого подвига», за который не только готов был заплатить, но и действительно заплатил жизнью.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует подходить к мировоззрению и творчеству Достоевского, мыслителя-художника, не только неизменно пребывавшего в мучительно-напряженных исканиях, но и никогда, как он говорил о себе, не желавшего его успокаиваться, так же не статически, а динамически. Прежде всего, следует подчерк-

¹⁷ Соловьев Вл. Собрание сочинений. СПб., 1912, т. 3, стр. 197—198.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Новые материалы и исследования, «Литературное наследство», т. 86, изд. «Наука», М., 1973, стр. 136—137.

¹⁹ Дневник А. С. Суворина, стр. 16. Разрядка моя. — Д. Б.